

Хисока выставил всего несколько игральных карт против тяжеленного молота Мокудзиро. Жажда битвы в нем не утихала, но против голой силы одного азарта было недостаточно. Шансов на победу — никаких, да и саму жизнь спасти — задача почти непосильная.

Видя, что противник повержен и харкает кровью, Мокудзиро довольно осклабился.

— Мальчишка, и ты с такими жалкими трюками заикаешься о «Нэн»? — Он презрительно сплюнул. — Оставь эти бредни. В твоём возрасте редко кто пробуждает силу; может, у тебя и есть талант, со временем стал бы опасен. Но ты встретил меня. А я не из тех, кто оставляет за спиной угрозу. К тому же, вы убили Аннари. Как-никак, мы были мужем и женой — я обязан отомстить.

Договорив, он шагнул вперед и тяжелым сапогом придавил Хисоку к земле, не давая подняться. Подошва властно впечаталась в ткань на спине.

— Хе-хе... — Хисока был в ярости. В нем клочкотала жажда убийства, но толку-то? Против лома нет приема — Мокудзиро был попросту сильнее. Его втапывали в грязь не впервые, однако это гнетущее чувство беспомощности бесило по-настоящему. — Я слабее, и мне нечего сказать в оправдание. Но плевать мне на твои страхи. Хочешь убить — убивай.

— А ты упрямый, — Мокудзиро склонился над ним и усмехнулся. — Жаль, по тебе сразу видно: верности в тебе ни на грош, иначе я бы прибрал тебя к рукам. Такие псы мне быгодились. Ладно, не бойся, прямо сейчас я вас не прикончу. Аннари мертва, и я должен показать ее приближенным тех, кто посмел ее убить.

Иллуми к этому моменту окончательно забросил попытки применить едва изученные азы «Нэн» и доверился инстинктам. Разделаться с дюжиной противников одним махом не получалось, и это раздражало, но выбора не было — приходилось держаться, чтобы не прикончили самого. Он ушел в глухую оборону, впиваясь взглядом в каждого, кто осмеливался подойти. Стоило кому-то сократить дистанцию, как в ход шли когти. Эта звериная свирепость пугала: не всякий был готов рискнуть шкурой, так что пока Иллуми удавалось тянуть время.

— Эй, малявка! — проорал Мокудзиро. — Твой дружок у меня! Выбирай: либо бросаешь его и проваливаешь на все четыре стороны — мне хватит и одного, чтобы отчитаться перед людьми, — либо сдаешься и идешь в клетку вместе с ним. Ну?

Иллуми замер и посмотрел на Хисоку. Несколько секунд они буравили друг друга глазами, затем мальчик склонил голову набок, погрузившись в раздумья.

— Послушайте, — подал голос Иллуми. — Если мы сдадимся, нас убьют прямо сейчас?

— С чего такие вопросы?

— Если сразу — я выбираю первый вариант.

— А если нет?

— Тогда второй.

Мокудзиро опешил:

— Ты серьезно? Выберешь плен?

— Раз нас не собираются убивать немедленно, — спокойно подтвердил Иллуми, — я выбираю второй вариант.

— Но почему?

Иллуми ответил с самым невозмутимым видом:

— Всё просто. Я никогда не предаю своих напарников.

Хисока, преодолевая боль, издал сдавленный смешок.

В итоге Мокудзиро со своими людьми потащили обоих в лагерь.

— Связать и запереть! — скомандовал он по возвращении и, махнув рукой, ушел к себе. Будучи главой района, жил он по местным меркам неплохо: собственная крыша над головой и личное пространство — предел мечтаний любого жителя Метеоритного города.

Иллуми, не оказывая сопротивления, позволил себя связать. Оказавшись рядом с бесчувственным Хисокой, он наконец позволил себе расслабиться и тяжело вздохнул. Докатился. Подумать только, его поймали как последнего простака — узнай об этом Сильва, наказание было бы долгим и мучительным. Иллуми покосился на напарника. Тот дрых так безмятежно, будто находился не в застенках, а в собственной постели. В груди шевельнулось чувство несправедливости: оба в плену, а высыпается только этот клоун. «Скука смертная», — решил Иллуми и, недолго думая, тоже закрыл глаза.

Спустя пару часов Мокудзиро, решивший проверить пленников, застыл в дверях. Он ожидал увидеть страх, слезы или хотя бы понурые лица, но перед ним дрыхли двое детей — нагло и сладко. Глава района даже не нашелся, что сказать. Сначала он хотел их растолкать, но, вспомнив пустой, бездонный взгляд Иллуми, решил не нарываться. «Прикончу их позже, от греха подальше», — подумал он и ушел.

Едва Хисока шевельнулся, приходя в себя, Иллуми мгновенно открыл глаза. Наступила тишина.

— Иллуми... — просипел Хисока, криво усмехнувшись.

— Хисока?.. — Иллуми в точности скопировал его интонацию, хотя в его исполнении это прозвучало жутковато.

— Хе-хе...

Иллуми всерьез задумался, стоит ли продолжать этот сеанс подражания.

— Как думаешь, каковы шансы разнести тут всё к чертям? — спросил Хисока, щурясь. — И много ли здесь тех, кто владеет «Нэн»? М-м?

— Понятия не имею. Я увидел, что ты спишь, и решил последовать твоему примеру. К тому же, мне еще не доводилось сражаться с мастерами «Нэн» в одиночку.

— Вот как? Вечно ты строишь из себя тихоню, — в голосе Хисоки слышались притворно-обиженные нотки. — А я-то думал, ты драться не любишь.

Иллуми уставился на него не мигая. В такие моменты он пугал по-настоящему: огромные черные глаза, в которых не отражалось ни единой эмоции. Сначала Хисока находил его даже симпатичным, но теперь, после близкого знакомства, мальчишка казался ему мстительным призраком из старой сказки.

— Чуть не забыл, — внезапно подал голос Иллуми. — Сбежать будет непросто. Пока ты валялся в отключке, этот Мокудзиро хвастался, что здесь повсюду ловушки.

— О-хо? Ловушки?

— Судя по его самодовольной физиономии, штуки серьезные.

Они снова замолчали. Для них это было в порядке вещей: говорить по делу, а когда темы исчерпаны — просто игнорировать существование друг друга.

— Знаешь, Иллуми... я проголодался.

— Бывает.

— Интересно, чем занят наш гостеприимный хозяин?

— Могу ответить: скорее всего, придумывает, как поизощреннее от тебя избавиться.

— Хи-хи-хи...

Вскоре дверь распахнулась. Мокудзиро вошел в сопровождении охраны, вальяжно уселся на принесенную табуретку и с вызовом посмотрел на детей. Его явно грела мысль о собственном превосходстве. Иллуми хранил привычное безразличие, а вот Хисока разглядывал мужчину с неподдельным интересом.

— Для Метеоритного города вы слишком... странные, — начал Мокудзиро. — Говорят, здесь нет детей, но вы на них даже не похожи. Я в ваши годы еще был под опекой.

— Под опекой? — Иллуми искренне удивился. — Разве в Метеоритном городе такое бывает?

— Детей до десяти лет обычно не трогают. Даже если защитить некому, их хотя бы не грабят.

— Быть не может! — возразил Иллуми. — Меня никто не жалел. — Он обернулся к напарнику.
— А за Хисокой вообще целая банда охотилась.

Хисока лишь загадочно улыбнулся.

— Тьфу на вас! — сплюнул Мокудзиро, вскакивая и упираясь сапогом в табурет. — Какая разница? Вам это всё равно уже не поможет. Ну, кто из вас сдохнет первым?

— Прежде чем мы перейдем к казням, — голос Хисоки звучал абсолютно буднично, — не просветишь ли нас насчет «Нэн»? Что это за штука такая?

Мокудзиро заколебался. Подобная наглость сбивала с толку.

— Слышь, ты! — рявкнул один из подручных. — Помирать собрался, а всё туда же! «Нэн» требует годы тренировок, думаешь, за пять минут мастером станешь?

— Ну-ну, — протянул Хисока. — Я ведь просто спрашиваю. Не хотелось бы помирать, так и не узнав ответа. Это было бы... разочаровывающе.